

УДК 811.111'42

СООТНОШЕНИЕ ИНФОРМАТИВНОЙ И ФАТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИЙ КАК ПРОБЛЕМА ЭКОЛИНГВИСТИКИ

И.С. Шевченко (Харьков)

И.С. Шевченко. Соотношение информативной и фатической функций как проблема эколингвистики. Информативная и контактная (фатическая) функции речи, выделяемые в традиционной лингвистике, составляют диалектическое единство – основу речевой коммуникации. Первая нацелена на получение новых, существенно значимых сведений, вторая обеспечивает процесс информационного обмена *per se*, создавая чувство социальной солидарности. В фатическом дискурсе включенного и автономного типов фатика и информатика коррелируют в рамках синтетической и аналитической моделей сочетания. В реализации стратегии вежливости, преимущественно дистанцирования, фатические высказывания стимулируют обмен когнитивно значимой информацией. В рамках экологической лингвистики, в частности, ее социолингвистического и когнитивного направлений, соблюдение баланса информатики и фатики служит фактором оптимизации общения. Это позволяет рассматривать интерфейс фатика – информатика как регулятивный фактор экологии дискурса.

Ключевые слова: коммуникация, оптимизация, референция (информатика), фатика (контакт), функции речи, экология дискурса.

І.С. Шевченко. Співвідношення інформативної та фатичної функцій як проблема еколінгвістики. Інформативна та контактна (фатична) функції мовлення, що виділяються в традиційній лінгвістиці, складають діалектичну єдність – основу мовленнєвої комунікації. Перша націлена на отримання нових, істотно значущих відомостей, друга забезпечує процес інформаційного обміну *per se*, утворюючи почуття соціальної солідарності. У фатичному дискурсі включеного та автономного типів фатика та інформатика корелюють у межах синтетичної та аналітичної моделей поєднання. У реалізації стратегій ввічливості, переважно дистанціювання, фатичні висловлення стимулюють обмін когнітивно значущою інформацією. В рамках екологічної лінгвістики, зокрема, її соціолінгвістичного і когнітивного напрямків, дотримання балансу інформатики та фатики служить фактором оптимізації спілкування. Це дозволяє розглядати інтерфейс фатика – інформатика як регулятивний фактор екології дискурсу.

Ключові слова: екологія дискурсу, комунікація, оптимізація, референція (інформатика), фатика (контакт), функції мовлення.

I.S. Shevchenko. The correlation of the informational and phatic functions a problem of ecolinguistics. In traditional linguistics, the referential (informational) and phatic (contact) speech functions constitute a dialectical unity as the base of linguistic communication. The former

is aimed at obtaining new, essentially important information, the latter provides a process of information exchange *per se*, creates the feeling of social solidarity. In the phatic discourse of included and autonomous types, the phatic and the informational functions correlate according to synthetic and analytical combination models. Implementing politeness strategies, mainly negative politeness, phatic utterances stimulate the exchange of cognitive meaningful information. Viewed in ecological linguistics, in particular, its sociolinguistic and cognitive approaches, the balance of the informational and phatic functions serves a factor of communication optimization. This allows us to consider the interface ‘the phatic – the informational’ as a regulatory factor of discourse ecology.

Key words: communication, discourse ecology, optimization, phatic (contact), referential (informational), speech functions.

1. Вступление

За два последних века своего развития, когда лингвистика становится полипарадигмальной, в ней появляются самые разные антропоцентрические подходы от психологизма XIX в. до социо- и прагмалингвистики XX в. Сегодня эколингвистика, как ни один другой подход, демонстрирует максимальную близость наукам о человеке и обществе, о чем свидетельствуют работы Трима и др., посвященные социальному контексту и языковым изменениям (*societal context and change*) [Haugen 1971; Trim 1959]. Хотя нередко эколингвистика (экологическая лингвистика, *language ecology, the ecology of language*) служит лишь модным термином, акцентируя интерес к контексту и языковому окружению, к проблемам микро- и макросоциалингвистики, в рамках эколингвистики уже сформировались четыре относительно самостоятельных подхода: семиотический, нейробиологический, социокультурный, когнитивный [Steffensen 2003].

Социокультурное направление эколингвистики в исследованиях речевого взаимодействия рассматривает дискурс как средство формирования социальных отношений и одновременно их продукт. Определенная ограниченность традиционных социо- и прагмалингвистики, дискурс-анализа отмечается в том, что в своих исследованиях они отталкиваются от системы правил, в то время как проблемы эколингвистики гораздо шире [van Lier 2002: 145]. Отличающий эколингвистику акцент на контексте, на взаимодействии приводит к пониманию того, что языковые значения не существуют сами по себе – это лишь потенциал, который, будучи реализован в определенном контексте, конструируется коммуникантами в ходе их взаимодействия, тем самым социокультурная эколингвистика объединяет экологическую теорию перцепции Гибсона, теорию знака Пирса, теорию языка Бахтина, теорию когнитивного развития ребенка Выготского [van Lier 2002: 151].

Социокультурный ракурс изучения речи появился гораздо раньше эколингвистики: представление о языке как средстве не только референции, но и контактирования, человеческого общения как такового, впервые было сформулировано Б. Малиновским еще в первой четверти XX века, а три четверти века назад в своей последней лекции в Йельском университете в ноябре 1941 года Бронислав Малиновский, один из самых знаменитых

антропологов мира, не случайно прозванный отцом-основателем прагматики несмотря на его молодость, утверждал, что истинное изучение языка – это изучение речевых событий в их ситуативных контекстах (context of situation) [Young 2011].

Как и современные эколлингвисты, Б. Малиновский призывал изучать речь (речевые события) в контексте (для него это «контекст ситуации»), тем самым снимая противопоставление языка и речи: «язык не может оставаться самостоятельным и самодостаточным объектом изучения, если мы признаем, что это лишь норма речевой деятельности человека» [Malinowski 1937: 172]. Исследователь подвергает сомнению приоритет семантики слова и в результате наблюдений за речью в ее контактной функции утверждает, что наиболее релевантная единица для осознания того, что сегодня мы назвали бы конструированным смыслом, – это предложение: «В фатическом общении (phatic communion) слова используются не для того, чтобы нести определенное значение; скорее путем обмена словами осуществляется социальная функция «связывания слушающего и говорящего узлами социальной общности (a tie of some social sentiment)». Тем самым речь – это то, что слово «делает» (what words do) [Malinowski 1926: 78-79]. (Отметим, что Остин сформулирует свое «How to do things with words» лишь 40 лет спустя!).

Великий антрополог отстаивает положение о прагматической функции как основной функции речи, предназначенной направлять, управлять и регулировать человеческую деятельность (to direct, to control and to correlate human activities) [Malinowski 1937: 172]. Эти идеи, оставаясь актуальными для современной науки, определили цель данной статьи – уточнить понимание информативной (референтной) и контактной (фатической) функций и установить их корреляцию в дискурсе с точки зрения эколлингвистики.

Гипотезой служит тезис о диалектическом единстве принципиально противоположных информативного и контактного смыслов, конструируемых в определенных контекстах и ситуациях, о двух моделях их совмещения в рамках гиперонимов – мыслительной и прагматической функций речи и о важности их баланса в общении для достижения экологичности дискурса. Материалом анализа служат образцы англоязычного художественного дискурса.

2. Функции речи

В научной литературе пока нет единства мнений по вопросу о количестве и сущности функций языка. Большинство исследователей (Мартине, Якобсон, Ярцева и др.) представляют функции языка, выделяемые по телеогическому, интенциональному принципу, как иерархическую систему, включающую базовые, главенствующие функции, и функции более низких уровней [Аврорин 1975; Martinet 1955; Ярцева 1998; Киселева 1978].

Так, на первом, наивысшем ярусе, помещают главнейшие коммуникативную и когнитивную (мыслительную, познавательную) функции.

На втором, более низком ярусе, находятся их разновидности: соответственно, прагматическая (эмоционально-регулятивная) и интеллектуально-информативная функции [Киселева 1978].

На третьем уровне прагматической функции соответствуют более дробные: фатическая (контактная, контактоустанавливающая), эмотивная (выражение чувств и эмоций), экспрессивная (самовыражение), волюнтаристическая (побудительная), эстетическая (отношение к прекрасному) и др.; в то время как с интеллектуально-информативной функцией связаны номинативная, дейктическая, регулятивная функции [Киселева 1978: 47].

В телеологической модели Ю. Хабермаса также противопоставлены информатика (соответствует рациональному целенаправленному действию) и фатика – коммуникативное, ритуализованное, «драматургическое» действие [Habermas 1984: 85].

По иному принципу – по направленности на один из шести факторов коммуникации Р. Якобсон [Jakobson 1960: 356] выделяет следующие функции:

(1) направленная на фактор контекста – референционная функция (*The Earth is round*),

(2) на адресанта – эмотивная функция (*Yuck! Bah! Oh!*),

(3) на адресата – конативная функция (*Come here!*, приказы),

(4) на контакт – фатическая функция (*Hello?*, средства проверки контакта),

(5) на код общения – метаязыковая функция (*What do you mean by 'krill'?*, дефиниции),

(6) на сообщение (message) – поэтическая функция (*Smurf*).

В научной литературе эти функции называют также:

1. денотативная, когнитивная, репрезентативная, информативная;

2. экспрессивная;

3. апеллятивная, императивная, директивная;

4. реляционная, контактная;

5. метасемиотическая;

6. эстетическая, риторическая.

Эти названия свидетельствуют, что при всей разности методологических подходов, исследователи не подвергают сомнению базовые функции, в частности, и лингвисты, и философы единодушны в том, что речевое взаимодействие «может быть информативным либо фатическим» [al-Qinai 2011: 23; Habermas 1984 и др.], подчеркивая важность их баланса для развития общества.

3. Информативная и фатическая функции

Деление коммуникации на информативную и фатическую основано на понятии информации. **Информация** – существенно новые и важные сведения, конструируемые в процессе общения; в узком смысле – это факты,

предписания, а в широком – т.н. «эстетическая» информация, а также изменение количества и качества информации, которой обладают участники деятельности, которое приводит к изменению их поведения.

Теория информации разделяет количественную и качественную сторону информации – значимость и ценность, сущность информации, зависящую от состояния системы, воспринимающей информацию. Количественный (математический) подход к измерению информации текста предложен вероятностно-статистической теорией К. Шеннона. В ней информация рассматривается как «снимаемая неопределенность», мерой которой является энтропия. В информатике этим термином обозначают случайную величину с конечным числом исходов. Математическое определение энтропии К. Шеннона использует понятия вероятности и математической статистики: получение какого-либо количества информации равно потерянной энтропии [Shannon 1948], а количество информации является мерой уменьшения неопределенности знания при получении информационных сообщений. То есть, к информации относят лишь те сведения, которые уменьшают неопределенность, служат семантически значимой информацией.

Будучи ориентированной на количественный анализ сообщений, теория информации Шеннона практически не применима для семантики и прагматики естественного языка, где на первый план выходят семантическая и/или прагматическая ценность информации. Этот критерий наиболее разработан в теории информации А.Д. Урсула, где «ценность измеряется степенью достижения цели. Близость реализованного к поставленной цели – вот самый общий критерий ценности» [Ильин, Урсул 2009: 151-152]. По А.Д. Урсулу, который рассматривает ценность информации как отношение субъекта ↔ информации ↔ цели, информация выступает как объективный фактор, как носитель ценности, тогда как субъект является субъективным фактором ценности, а сама ценность информации – результат взаимодействия субъективного и объективного факторов.

В дискурсе информация как таковая присутствует в двух типах речевых актов: в квеситивах, чья иллокутивная цель – запрос информации, и в констативах, где иллокутивная цель – сообщение информации. Определение типов РА включает набор прагма-семантических параметров, среди которых важнейший – ситуация и контекст. Так, в квеситиве говорящему не известна запрашиваемая им информация (1.1), в констативе говорящий искренне намерен сообщить слушающему рациональную информацию (1.0, 1.2), например:

(1.0) LADY CAROLINE. *It is not customary in England, Miss Worsley, for a young lady to speak with such enthusiasm of any person of the opposite sex. English women conceal their feelings till after they are married. They show them then.*

(1.1) HESTER. *Do you, in England, allow no friendship to exist between a young man and a young girl?*

(1.2) LADY CAROLINE. *We think it very inadvisable.* (O. Wilde)

Чем более та или иная информация способствует достижению цели, тем более она ценна. То есть, ценность информации (семантической, когнитивной) влияет на принятие управленческих решений, что особенно важно для понимания эволюции глобальных процессов, для кризисной коммуникации [Ильин, Урсул 2009].

В **фатической** функции речь, как считали Б. Малиновский, Э. Бенвенист и др., предназначена «не для передачи информации, а для установления связи между людьми в процессе их деятельности» [Benveniste 1966], «при этом не преследуя цели передачи мыслей, идей, информативных сообщений» [Malinovsky 1937] (ср.: «язык в этой функции выступает не в качестве орудия мысли, а в качестве способа действия» [Пименов 1975: 33-34]). Здесь на первый план выходит прагматическая ценность, самодавляющая значимость речи (еще Э. Сепир, не употребляя термина *фатика*, писал о роли речи в установлении контакта между людьми, как того требует ситуация (например, во время приема гостей) [Sapir 1921], что позже будет описано Р. Якобсоном и Дж. Лайонзом как создание уз общности путем «пустого обмена словами» [Jakobson 1960: 386], как поддержание чувства социальной солидарности и социального самосохранения [Lyons 1977]. С позиций радикальной прагматики Дж. Лич подчеркивал, что фатическая коммуникация – общение без сообщения – создает комфорт в быту и поддерживает коммуникацию на заданной идеологической волне (например, инаугурационные речи президентов). Такая коммуникация характеризуется избыточностью и концентрацией штампов [Leech 1977].

Большинство исследователей фатики, которые стоят на позициях прагмалингвистики и рассматривают коммуникацию в терминах речеактовых актов (далее – РА), то есть с позиций интенции, целеполагания, подчеркивают ее основополагающую ориентированность на кооперативное общение. Фатические РА – прагмасемантические разновидности экспрессивов, ограниченные в силу своей природы областью кооперативного дискурса [Матюхина, Шевченко, 2003]. Вместе с тем, в современной лингвистике, в частности, в жанристике, опирающейся на идеи М. Бахтина, допускается отнесение отдельных речевых событий к «диссонансным» фатическим жанрам – «издевке, оскорблению, обвинению, ссоре» [Дементьев 2010: 215]. Очевидно, что в теории РА оскорбление, обвинение и под. относятся не к числу фатических РА, а к числу экспрессивов конфронтативной направленности в соответствии с их ведущей интенцией – словесно актуализировать (и тем самым снять) негативное эмоциональное напряжение говорящего, его неприятие собеседника, а также намеренно нанести урон эмоциональной сфере недруга-слушающего.

Исходя из «фактора речевого контакта», под которым Р. Якобсон понимал состояние общения, совместного времяпровождения и установление/поддержание дружеских отношений [Jakobson 1960], он видел

основное назначение фатической функции в том, чтобы установить контакт, проверить, работает ли канал связи, привлечь внимание собеседника и убедиться, что тот слушает внимательно. Якобсон отмечал, что фатическая функция направлена на контакт как физический план и психологическую связь между адресантом и адресатом, обуславливающие возможность установления и поддержания коммуникации.

Позже Г.Г. Почепцов детализирует понимание фатики (через метакоммуникативную функцию) как включение/переключение, поддержание на нужном уровне внимания адресата для передачи сообщения и размыкание речевого контакта [Почепцов 1981: 52-59]: например, Луиза знакомит свою сестру со своим другом:

(2.0) *“You haven’t met John, have you, Sarah?”* said Louise (2.1) *“This is John Connell, John, this is my little sister Sarah”*.

(2.2) *“How do you do”*, I said.

(2.3) *“How do you do”*, he said (M. Drabble)

В приведенном примере ситуация спрашивания отсутствует: высказывание Луизы вопросительной формы (2.0) не запрашивает информацию, что подтверждает контекст – Луиза делает представление (2.1) в рамках одного хода, не ожидая ответа на (2.0). Имеет место ситуация установления контакта (представления и знакомства) и далее Сара и Джон обмениваются приветствиями–клише (2.2; 2.3). Все эти высказывания имеют интенцию контактоустановления и выступают фатическими РА, их ценность – не в количестве рациональной (когнитивной) информации, а в ее прагматической ценности: эти РА способствуют достижению целей коммуникации в начальной фазе общения, а значит – они являются прагматически (коммуникативно) ценными.

В фатике проявляются свойства метакоммуникации в целом, направленной «на самое себя, на общение в целом и его различные аспекты: языковую ткань дискурса, его стратегическую динамику <...>, представление тем, взаимодействие с контекстом, регуляцию межличностных и социальных аспектов взаимодействия, нормы общения, процессы обмена информацией и ее интерпретации, эффективность канала коммуникации» [Макаров 2003: 197; Почепцов 1981].

Разноуровневость функций предполагает их иерархию, в частности, существуют разные типы фатики, что проявилось в истории названий этой функции в лингвистике: контактоустанавливающая [Ахманова 2007: 508; Драздаускене 1970], речеконтактная, фатическая метакоммуникативная [Почепцов 1981; Чхетиани 1987], метаречевая [Алексеев 1990: 5], контактная [Формановская 2003] – “предназначенность языковых средств для установления и поддержания социально-массового и индивидуального контакта, в известной мере определяющая поведение адресата” [Киселева 1978: 45]; причем средства речевого контакта трактуются как речевые акты, реже – высказывания – «контактивы» [Сюй Хунчен 2007].

Сообразно с целями, достигаемыми в различных коммуникативных ситуациях, Г.Г. Почепцов подразделяет данную функцию на три разновидности: речь, направленная на «включение/переключение внимания адресата на сообщение, поддержание на нужном уровне внимания адресата в период передачи сообщения и, наконец, на размыкание речевого контакта» [Почепцов 1981: 52]. Им соответствуют фатические метакоммуникативы «инхоативной, процессной, финитивной прагмасемантических разновидностей», функционирующие, соответственно, в ситуациях установления, продления и размыкания речевого контакта [Матюхина 2004: 13].

Фатическая метакоммуникация в целом воплощается в фатическом метадискурсе – среде регулирования речевого взаимодействия в соответствии с требованиями коммуникативных принципов вежливости и кооперации. По критерию типа РА и целей дискурса система фатического метадискурса охватывает включенный и автономный типы [Матюхина 2004: 12]. В первом случае (включенный тип) фатический РА включен в дискурсивный обмен (transaction / exchange, микродиалог) разнородных РА; во втором – служит частью более широкого собственно фатического метакоммуникативного автономного речевого события (speech event), в котором общая цель регулирования речевого воздействия осуществляется в ритуализованной форме, и который характеризуется самоценностью, упорядоченностью, состязательностью, преобладанием социально-регулятивной информации, игровым и эстетическим компонентом [Матюхина 2004: 127] – как правило, это small talk, флирт и т.п. (в рамках теории речевых/коммуникативных жанров В.В. Дементьев рассматривает их как «фатические речевые жанры» [Дементьев 2010: 209]).

Модели сочетания информативной и фатической функций в дискурсе

Для эколлингвистики важна метафора О. Розенштока-Хюсси, видевшего в общении путь к миру в социуме, о тождестве «грамматики языка и грамматики общества»: «речь укрепляет временную и пространственную оси, на которых держится общество» [Rosenstock-Huessy 1970]. Предназначенность речи (дискурса) создавать и поддерживать баланс в обществе лежит, по нашему мнению, не столько в вычленении отдельных функций, сколько в их сочетаемости.

Сочетаемость функций – важнейшее конститутивное свойство дискурса, например, экспрессивной и конативной, поэтической и референционной функций (подробнее – [Hébert 2011]) или фатической функции с эмотивной и др.; их определенная иерархия в дискурсе (об этом см. [Jakobson 1960]) обусловлена подвижностью границ между типами информации, что и приводит к конвергенции функций речи.

Для выявления типов РА и их сочетаний в дискурсе воспользуемся моделью РА в составе семи аспектов: адресант, адресат, их интенции, аспект

контекста, ситуации, метакоммуникации (которая соответствует принципу вежливости и кооперации), локутивный, денотативный аспекты и результирующий аспект – иллокуция [Шевченко 1998].

Индикаторы фатических РА – стереотипные речевые формулы, служащие целям речевого контакта: его «включения» (*Hello (Hallo, Hullo); How do you do?; How are you?; How do you feel?; How are you doing?; How are things with you?; How is it going?; How have you been?; Are you doing Okay?* и др.), продления (*Oh; hey; now; listen; look; you know, you see; I say; well; I mean; so to say; that is; hm; mm; er; eh...*), размыкания (*Be careful; Have a good time; Take care; Good bye; So long; See you* и т.п.).

Индикаторами информативно ориентированных РА (констативов и квеситивов, различающихся по семи приведенным выше параметрам РА, важнейший из которых – иллокутивная сила) служат, прежде всего, семантика и синтаксис предложений.

Ситуативная природа прагматических смыслов обуславливает возможность параллельного существования нескольких иллокутивных сил в РА, одна из которых – ведущая (первичная, доминирующая), вторая – сопутствующая, вторичная (термин, используемый для всякой иллокуции, сопутствующей ведущей, независимо от числа таких сопутствующих сил – двух, трех и более).

Хотя в эвристических целях лингвисты, как правило, противопоставляют информативную и фатическую функции [al-Qinai 2011], в дискурсе наблюдается сочетание этих и иных функций. При этом, будучи членом оппозиции фатика – информатика, фатическая функция «естественным образом расширяет рамки объекта», охватывая также и конативную функцию элементарного содержания (вступление в контакт, его поддержка и проверка), область речевого этикета, бытовой диалог, художественное повествование, стилизованное под бытовое [Винокур 1993: 135].

По нашим данным, конфигурации сочетания функций различны в автономном и включенном типах фатического дискурса. Так, сочетание фатики и информатики в высказываниях, включенных в полифункциональный дискурс, и в автономных фатических речевых событиях – светская беседа, флирт, разговор по душам – осуществляется в пределах двух основных моделей сочетаемости:

- А.** наличие разноформленных прагма-семантических индикаторов фатики и информатики в пределах высказывания / речевого хода (аналитическая модель);
- Б.** ситуативное совмещение функций в высказывании (синтетическая модель).

Рассмотрим каждую модель подробнее, используя обозначения Ph-SA для фатических речевых актов (phatic speech act) и Info-SA для констативов и квеситивов.

Аналитическая модель сочетания функций:

A.1. **Ph-SA+Info-SA**: сочетание иллокуций фатички и информатики, реализованных соответствующими индикаторами, в прямых РА фатической и информативной направленности в пределах одного предложения:

(3.0) *“Hello, Alfred; (3.1) why didn't you send to say you wouldn't come?”*

(B. Shaw)

В ситуации установления контакта фатический индикатор (3.0) представлен клише и апеллятивом, за ним в рамках того же предложения следует квеситив (3.1) – запрос неизвестной говорящему информации, прямо реализованный специальным вопросом. В данном сложном РА первый (фатический) выступает способствующим для второго. Тем самым имеет место сложный квеситив, где ведущая иллокуция спрашивания усиливается вторичной иллокуцией контактоустановления.

В ситуации продолжения контакта (пример 4.0 –4.2) имеет место обмен когнитивной информацией (4.0, 4.1), а фатические индикаторы заполнения пауз *well, you know* (4.2) сигнализируют, что Габриэль затрудняется дать ответ (4.3) и хочет выиграть время, подобрать слова:

(4.0) *“The fact is,”* said Gabriel, *“I have just arranged to go – –”*

(4.1) *“Go where?”* asked Miss Ivors.

(4.2) *“Well, you know, (4.3) every year I go for a cycling tour with some fellows and so –”* (J. Joyce)

В последнем предложении *you know*, хоть и выступает главным в подчинительной сложной структуре, является относительно десемантизированным. Ведущим свойством индикаторов фатичности типа *you see, you know* является прагматическое значение обеспечения речевого контакта, что вместе с формализованностью структуры, устойчивостью и воспроизводимостью указывает на их прагматикализованность.

A.2. **Ph-SA □ Info-SA**: сочетание прямых РА фатической и информативной направленности в пределах одного речевого хода, состоящего из двух и более предложений:

(5.0) *“Oh, it's you, is it!”* said he. (5.1) *“Where 'ave you been?”* (Greenwood)

В примере (5.0) сегментированный вопрос функционирует в ситуации установления речевого контакта и служит цели привлечения внимания собеседника. Индикатором фатического РА в ситуации контактоустановления служит клише – т.н. подтверждающий сегментированный вопрос, в котором обе синтаксические части утвердительные; это высказывание занимает медиальную позицию в речевом ходе, что не характерно для квеситива. За ним в новом предложении (5.1) в пределах одного хода следует запрос информации – квеситив (ответ на него не известен говорящему).

Б. **Синтетическая модель** сочетания функций характерна для дискурсе автономного типа (small talk) и выражается формулой Σ (**Ph-SA+Info-SA**).

Согласно формуле суммы иллокуций совмещение функций в высказывании, лишенном прагмасемантических иллокутивных индикаторов, носит контекстуально-ситуативный характер. Например,

Лора болтает с Хилари во время традиционного вечернего чаепития:

(6.0) *“You like artichokes, don’t you, Hilary?”*

(6.1) *“They are an occupation. Like Meccano. I don’t call it eating”.*

(6.2) *This rubbish with Laura was so mechanical for both of us that I could carry it on, listening to Freddie and Clifford discussing the international monetary crisis, while busy the whole time with the most lurid private reflections* (I. Murdoch)

В ситуации светской беседы высказывание Лоры (6.0) реализует одновременно две иллокуции: это ведущая иллокутивная сила – поддержание дружеского общения на малозначительную тему (индикатор фатички – тема и семантика предложения) и сопутствующая – спрашивание, задаваемая структурой предложения, что указывает на контаминацию фатической и информативной функций в высказывании.

В соответствии со своей сопутствующей иллокуцией спрашивания РА Лоры (6.0) получает информативный ответ Хилари (три последующих предложения 6.1), который, в свою очередь, представляет собой разновидность синтетической модели сочетания функций: в ситуации светской беседы на фатическую предназначенность высказываний (6.1) указывает не только соответствующая интенция говорящего, но и их семантика (тривиальность, «салонность» темы), что делает иллокутивную силу поддержания коммуникации ведущей. Одновременно повествовательная структура простых предложений задает их сопутствующую иллокуцию сообщения рациональной информации (что поясняется в авторском тексте (6.2)).

Обе модели, при их относительной разности, демонстрируют сочетание функций в дискурсе, которое исходит из самой природы фатички как сопутствующей по отношению к когнитивной, оценочной и иным типам информации (ср.: контактное высказывание – это «носитель двойного информационного плана» [Киселева 1978: 25, 57]). Во многих случаях такое сочетание – дань принципу вежливости, когда для достижения целей кооперативного информативного общения используются фатические РА в качестве стратегий вежливости сближения (*positive politeness*) (далее приводимые по [Brown, Levinson 1987]):

- стратегия сближения «Проявляй внимание, заботу о нуждах, интересах, стремлениях, достоинствах слушающего» («Notice, attend to H (his interests, wants, needs, goods)») что прослеживается в комплиментах (7.1), произносимых, как правило, при установлении контакта вслед за фатическим РА (7.0.), например, общение лорда Генри с художником:

(7.0.) *“Hello, Basil!* (7.1) *It is your best work, the best thing you have ever done,” said Lord Henry languidly. “You must certainly send it next year to the Grosvenor.* (O. Wilde)

- стратегия использования маркеров принадлежности к группе («in-group markers») —различных обращений: титулов, имени собственного, терминов

родства, вплоть до разговорных ласкательных или сниженных форм, например, лорд Генри расспрашивает о портрете Дориана Грея:

Not send it anywhere? (8.0) My dear fellow, why?(8.1) Have you any reason? What odd chaps you painters are! You do anything in the world to gain a reputation. (O.Wilde)

В англоязычном фатическом метадискурсе, по данным Ю.В. Матюхиной за последних пять столетий [Матюхина 2004], доминируют стратегии дистанцирования (negative politeness) как проявление этикетного поведения (respect behaviour, rituals of avoidance [Brown, Levinson 1987: 117]). Наиболее частотны среди них:

- стратегия дистанцирования «Говори уклончиво, спрашивай» (Question, hedge) [Brown, Levinson 1987: 145] служит смягчению высказывания и воплощается вопросительными конструкциями, маркируется частицами *only, simply, just, merely* и т.п., комплексами типа *I mean, I guess*. В следующем фрагменте дистанцирование маркируют частица *only* (9.1) и риторический вопрос (9.1), смыслом которого служит смягченное отрицание (вопрос не ориентирован на спрашивание, контекст показывает, что он не имеет ответа, находится в середине речевого хода говорящего). Эти фатические средства стимулируют дальнейший запрос когнитивной информации (квеситив 9.2):

(9.0)My dear fellow, she tried to found a salon, and only succeeded in opening a restaurant. (9.1) How could I admire her? (9.2) But tell me, what did she say about Mr. Dorian Gray?(O. Wilde)

- стратегия «Демонстрируй почтительность» [Brown, Levinson 1987: 178-186] проявляется в тактике завышения значения адресата (в случае 10.1 это маркер *whatever*, который выделяется на фоне остальных откровенно ироничных информативных утверждений приятелей Дориана (10.0, 10.2, 10.3) о его будущей женитьбе):

...(10.0) Besides, every experience is of value, (10.1) and whatever one may say against marriage,(10.2) it is certainly an experience. (10.3) I hope that Dorian Gray will make this girl his wife, passionately adore her for six months, and then suddenly become fascinated by some one else. He would be a wonderful study. (O. Wilde)

Приведенные примеры убеждают, что фатика существенно облегчает информативный обмен, делает его более эмоциональным, способствует достижению целей. Тем самым сочетание функций высказываний в дискурсе – его неотъемлемая характеристика, важность которой видится минимум в двух аспектах.

С одной стороны, фатика – важный компонент коммуникативной компетенции личности. По Ю. Хабермасу, идея рационального развития общества (idea of rationality) коррелирует с коммуникативной компетенцией – владением не только набором языковых единиц и правил, но прежде всего умением соотносить их с миром, с собственными интенциями, употреблять

импликации и пресуппозиции, быть уместным, в том числе в плане соответствия социальному контексту [Habermas 1984: 56].

С другой стороны, в сочетании фатика и информатики проявляется основополагающий философский принцип единства противоположностей как основы развития. Современная эколлингвистика, рассматривая социальные проблемы языка и культуры, подчеркивает, что разнообразие содержит потенциал для адаптации, способствует гибкости системы коммуникации в целом: сильны те экосистемы, которые наиболее разнообразны. «Разнообразие непосредственно связано со стабильностью; разнообразие является важным для долгосрочного выживания» [Baker 2001: 281].

Выводы

Сказанное позволяет сделать следующие выводы. Лингвистика как дискурсивная дисциплина и по методологии, и по предметной сфере анализа на новом этапе своего развития становится экологической наукой. Это означает придание нового фокуса интегрированному прагматическому, когнитивному подходу, характерному для анализа дискурса, а именно – акцентирование социокультурных, контекстных аспектов коммуникации. С точки зрения эколлингвистики дискурс – средство формирования социальных отношений и одновременно их продукт. Исследовательскому фокусу на взаимодействии и контексте, отличающему эколлингвистику, соответствует трактовка языковых значений как потенциала, который, будучи реализован в определенном контексте, конструируется коммуникантами в ходе их взаимодействия.

Предназначенность речи (дискурса) создавать и поддерживать баланс в обществе лежит, по нашему мнению, не столько в вычленении отдельных функций, сколько в их сочетаемости. Сочетаемость функций – важнейшее конститутивное свойство дискурса, оно обусловлено подвижностью границ между типами информации, что и приводит к конвергенции функций речи. В частности, противоположные по информационному, телеологическому и иным параметрам информативная и фатическая функции в дискурсе способны к сочетанию, причем фатика существенно облегчает информативный обмен, делает его более эмоциональным, способствует достижению целей.

Конфигурации сочетания функций фатика и информатики различны в автономном (светская беседа и т.п.) и включенном (полифункциональном) типах фатического дискурса и осуществляется в двух основных моделях.

Аналитическая модель, типичная для полифункционального дискурса – наличие разнооформленных прагма-семантических индикаторов фатика и информатики в пределах высказывания / речевого хода, имеет две разновидности: сочетание иллокуций фатика и информатики, реализованных соответствующими индикаторами, в прямых РА фатической и информативной направленности в пределах одного предложения либо их сочетание в пределах

одного речевого хода, состоящего из двух и более предложений. Синтетическая модель – ситуативно-контекстное совмещение функций в высказывании, лишенном прагмасемантических иллюкутивных индикаторов – преобладает в автономном дискурсе.

Современная эколлингвистика, рассматривая социальные проблемы языка и культуры, подчеркивает, что разнообразие содержит потенциал для адаптации, способствует гибкости системы коммуникации в целом. Функциональное разнообразие высказываний служит основой эффективности коммуникации. В практическом плане неотъемлемая характеристика дискурса – сочетание функций высказываний стимулирует и развитие общества, будучи важной для развития коммуникативной компетенции, в частности, уместности высказываний в определенном социальном контексте. В теоретическом плане в сочетании фатичности и информативности проявляется основополагающий диалектический принцип единства и борьбы противоположностей как основы развития.

Обнаруженные данные свидетельствуют о выходе дискурсологии за рамки оособленных социо- когнитивно- прагматических исследований и требуют анализа взаимодействия разноуровневых единиц дискурса, что обуславливает перспективность задач дальнейшего изучения баланса функций в отдельных речевых событиях в ракурсе эколлингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: к вопросу о предмете социоллингвистики / В.А. Аврорин. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1975. – 276 с.
2. Алексеенко Л.П. Речевые средства в завершающей фазе английского языка : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Л.П. Алексеенко. – К. : Киев. гос. ун-т, 1990. – 14 с.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М. : КомКнига, 2007. – 576 с.
4. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. – М. : Наука, 1993. – 171 с.
5. Дементьев В.В. Теория речевых жанров / В.В. Дементьев. – М. : Знак, 2010. – 600 с.
6. Драздаускене М.-Л.А. Контактостанавливающая функция речи (на материале английского языка) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / М.-Л.А. Драздаускене. – М. : Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз., 1970. – 32 с.
7. Ильин И.В. Эволюционная глобалистика (концепция эволюции глобальных процессов) / И.В. Ильин, А.Д. Урсул. – М. : Изд-во МГУ, 2009. – 232 с.

8. Киселёва Л.А. Вопросы теории речевого воздействия / Л.А. Киселёва. – М. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 160 с.
9. Кочерган М.П. Вступ до мовознавства : підручник / М.П. Кочерган. – К. : Академія, 2000. – 368 с.
10. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
11. Матюхіна Ю.В. Розвиток системи фатичної метакомунікації в англійському дискурсі XVI – XX ст. : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Юлія Володимирівна Матюхіна. – Харків : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2004. – 226 с.
12. Матюхіна Ю.В. Прагматические особенности фатической метакоммуникативной информации в дискурсе / Ю.В. Матюхіна, И.С. Шевченко // Матеріали міжнародної науково-методичної конференції “Треті Каразінські читання: методика і лінгвістика – на шляху до інтеграції”. – Харків : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2003. – С. 110–111.
13. Пименов А.А. Противоречивая сущность речевой деятельности и речевого действия / А.А. Пименов // Проблемы психолінгвістики. – М. : Прогресс, 1975. – С. 31–45.
14. Почепцов Г.Г. Фатическая метакоммуникация / Г.Г. Почепцов // Семантика и прагматика синтаксических единств. – Калинин : Изд-во Калинин. ун-та, 1981. – С. 52–59.
15. Сюй Хунчжен. Мовний контакт у сучасному російському спілкуванні: комунікативно-прагматичні і соціокультурні аспекти : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.02 / Сюй Хунчжен. – Харків : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2007. – 204 с.
16. Формановская Н.И. Социально-культурная сущность речевого этикета / Н.И. Формановская // Московский лингвистический журнал. – 2003. – Т. 7, № 2. – С. 9–20.
17. Чхетиани Т.Д. Лингвистические аспекты фатической метакоммуникации : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Чхетиани Тамара Дмитриевна. – К. : Киев. гос. пед. ин-т иностр. яз., 1987. – 210 с.
18. Шевченко И.С. Историческая динамика прагматики предложения: английское вопросительное предложение XVI – XX вв. : монография / И.С. Шевченко – Харьков : Константа, 1998. – 168 с.
19. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / [гл. ред. В.Н. Ярцева ; 2-е изд.]. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
20. al-Qinai J. B.S. Translating phatic expressions / J. B.S. al-Qinai // Pragmatics. – 2011. – V.21, #1. – P. 23–39.
21. Baker C. Review of Tove Skutnabb-Kangas «Linguistic genocide in education – or worldwide diversity and human rights?» / C. Baker // Journal of Sociolinguistics. – 2001. – V. 5, # 2/. – P. 279–283.

22. Benveniste E. Problèmes de linguistique générale / E. Benveniste. – Paris : N.R.F., Bibliothèque des sciences humaines, 1966. – 356 p.
23. Brown P. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1987. – 345 p.
24. Habermas J. The theory of communicative action. Vol. 1. Reason and the rationalization of society / J. Habermas. – Boston : Beacon Press, 1984. – 562 p.
25. Haugen E. The ecology of language / E. Haugen // The Linguistic Reporter. Supplement. – 1971. – #. 25. – P. 19–26.
26. Hébert L. The Functions of Language [Электронный ресурс] / L. Hébert // Louis Hébert (dir.), *Signo* [online], Rimouski (Quebec) – 2011. – Режим доступа : <http://www.signosemio.com/jakobson/functions-of-language.asp>
27. Jakobson R. Linguistics and Poetics / R. Jakobson // T. Sebeok (ed.) *Style in Language*. – Cambridge, MA : M.I.T. Press, 1960. – P. 350–377.
28. Leech G. Semantics / G. Leech. – L. : Pellican, 1977. – 450 p.
29. Lier van L. An ecological-semiotic perspective on language and linguistics / L. Lier van // Kramsch C. (Ed.). *Language Acquisition and Socialization. Ecological Perspectives*. Continuum. – London, 2002. – PP. 140–164.
30. Lyons J. Semantics. Vol. 1 / J. Lyons. – Cambridge : CUP, 1977. – 897 p.
31. Malinowski B. Myth in primitive psychology / B. Malinowski. – London : Norton, 1926. – 105 p.
32. Malinowski B. The dilemma of contemporary linguistics. Review of «*Infant Speech: A Study of the Beginnings of Language*» by M.M. Lewis / B. Malinowski // *Nature*. – 1937. – July, 31. – P. 172–73.
33. Martinet A. Économie des changements phonétiques. *Traité de phonologie diachronique* / A. Martinet. – Berne : Editions A. Francke S.A., 1955. – 396 p.
34. Rosenstock-Huessy E. *Speech and Reality* / E. Rosenstock-Huessy. – Norwich, Vermont : Argo Books, 1970. – 201 p.
35. Sapir E. *Language: An Introduction to the Study of Speech* / E. Sapir. – New York : Harcourt, Brace, 1921. – 258 p.
36. Shannon C.E. A Mathematical Theory of Communication / C.E. Shannon // *Bell System Technical Journal*. – 1948. – V. 27. – P. 379–423, 623–656.
37. Steffensen S.V. Ecolinguistics: the state of the art and future horizons [Электронный ресурс] / S.V. Steffensen, A.Fill. *Language Sciences*. – 2013. – Режим доступа : <http://dx.doi.org/10.1016/j.langsci.2013.08.003>
38. Trim J.L.M. Historical, descriptive and dynamic linguistics / J.L.M. Trim // *Language and Speech*. – 1959. – # 1. – P. 9–25.
39. Young M.W. Malinowski's last word on the anthropological approach to language / M.W. Young // *Pragmatics*. – 2011. – # 21. – P. 1–22.

REFERENCES

- Ahmanova, O.S. (2007). *Slovar' lingvisticheskikh terminov [A dictionary of Linguistic terms]*. M.: KomKniga Publ. al-Qinai, J. B.S. (2011). Translating phatic expressions. *Pragmatics*, 21 (1), 23-39.

- Alekseenko, L.P.(1990). Rechevye sredstva v zavershajushhej faze anglijskogo jazyka: Avtoref. dis. kand. filol. Nauk [Linguistic means in the terminative phase in English. PhD philol. sci. dis. ref.]: Kiev. 14 p. (in Russian).
- Avrorin, V.A. (1975). *Problemy izuchenija funkcional'noj storony jazyka: k voprosu o predmete sociolingvistiki. [Problems of the functional aspects of language studies: to the question of the subject matter of social linguistics]*. L.: Nauka, Leningr. Publ.
- Baker, C. (2001) Review of Tove Skutnabb-Kangas «Linguistic genocide in education – or worldwide diversity and human rights?» *Journal of Sociolinguistics*, 5 (2), 279-283.
- Benveniste, E. (1966). *Problèmes de linguistique générale*. Paris: N.R.F., Bibliothèque des sciences humaines.
- Brown, P., Levinson, S. (1987). *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Chhetiani, T.D. (1987). Lingvisticheskie aspekty faticheskoj metakommunikacii: Dis. ... kand. filol. Nauk. [Linguistic aspects of phatic metacommunication. PhD philol. sci. diss.] Kiev. 210 p. (in Russian).
- Dement'ev, V.V.(2010). *Teorija rechevyh zhanrov [Speech Genres Theory]*. M. Znak Publ.
- Drazdauskene, M.-L.A. (1970) Kontaktoustanavlivajushhaja funkcija rechi (na materiale anglijskogo jazyka). Avtoref. dis. kand. filol. nauk [The contactive speech function (on the English language material. PhD philol.sci. diss. ref.]. Moscow. 32 p. (in Russian).
- Formanovskaja, N.I. (2003). Social'no-kul'turnaja sushhnost' rechevogo jetiketa [Social-cultural essence of speech etiquette]. *Moskovskij lingvisticheskij zhurnal – Moscow linguistic journal*.7 (2), 9-20 (in Russian).
- Habermas, J. (1984). *The theory of communicative action. Vol.1. Reasono and the rationalization of society*. Boston: Beacon Press.
- Haugen, E. (1971). The ecology of language. *The Linguistic Reporter. Supplement*, 25, 19-26.
- Hébert, L. (2011). The Functions of Language. In: Louis Hébert (dir.), *Signo* [online], Rimouski (Quebec): <http://www.signosemio.com/jakobson/functions-of-language.asp>
- Il'in I.V., Ursul A.D. (2009). *Jevoljucionnaja globalistika (konceptija jevoljucii global'nyh processov) [Evolutionary Globalistics (a concept of global processes evolution)]*. M.; MGU Publ.
- Jakobson, R. (1960). Linguistics and Poetics. In: T. Sebeok (ed.) *Style in Language*. Cambridge, MA : M.I.T. Press, pp. 350-377.
- Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' (1998). [Linguistics. A Concise Encyclopedic Dictionary]*. (Gl. red.) V.N. Jarceva. [Ed. V.N. Jarceva] 2-d edition. M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija Publ.
- Kiseljova, L.A. (1978). *Voprosy teorii rechevogo vozdeystvija [Questions of the theory of linguistic influence]*. M. LGU Publ.

- Kochergan, M.P. (2000). *Vstup do movoznavstva: Pidruchnik. [An Introductio to General Linguistics: Textbook]*. K. : Akademija Publ.
- Leech, G. (1977). *Semantics*. L.: Pellican.
- Lier, van L. (2002). An ecological-semiotic perspective on language and linguistics. In: Kramsch C. (Ed.). *Language Acquisition and Socialization. Ecological Perspectives. Continuum*. London, pp. 140–164.
- Lyons, J. (1977). *Semantics. Vol.1* . Cambridge: CUP .
- Malinowski, B. (1926). *Myth in primitive psychology*. London: Norton.
- Malinowski, B. (1937). The dilemma of contemporary linguistics. Review of «Infant Speech: A Study of the Beginnings of Language» by M.M. Lewis, *Nature, July, 31*, 172-73.
- Makarov, M.L. (2003). *Osnovy teorii diskursa [The Foundatioons of Discourse Theory]*. M.: ITDGK «Gnozis» Publ.
- Martinet, A. (1955). *Économie des changements phonétiques. Traité de phonologie diachronique*. Berne: Editions A. Francke S.A.
- Matjuhina, Ju.V. (2004). Rozvitok sistemi faichnoï metakomunikacii v anglijs'komu diskursi XVI – XX st.: Dis. kand. filol. Nauk [The development of the phatic metacommunication system in the 16th – 20th centuries English discourse. PhD philol.sci.diss.]. Kharkiv. 226 p. (in Russian).
- Matjuhina, Ju.V., Shevchenko, I.S. (2003). Pragmatic properties of phatic metacommunicative information in discourse. *Materiali mizhnarodnoï naukovo – metodichnoï konferencii “Treti Karazins'ki chitannja: metodika i lingvistika – na shljahu do integracii”*. 4 Febr 2003 Kharkiv. [Proc. 3d Int. Conf. 4 Febr 2003, Kharkiv]. Kharkiv, 110-111.
- Pimenov, A.A. (1975). Protivorechivaja sushhnost' rechevoj dejatel'nosti i rechevogo dejstvija [A contradictore Essence of Speech Activities and Speech Actions]. *Problemy psiholingvistiki – Problems of Psycholinguistics*. 31-45. (in Russian).
- Pocheptsov, G.G. (1981). Faticeskaja metakommunikacija [Phatic metacommunication]. In: *Semantika i pragmatika sintaksicheskikh edinstv – Semantics and Pragmatics of syntactic units*. Kalinin: Kalinin. university Publ. pp. 52-59.
- Rosenstock-Huessy, E. (1970). *Speech and Reality* Norwich, Vermont : Argo Books.
- Sapir, E. (1921). *Language: An Introduction to the Study of Speech*. New York: Harcourt, Brace.
- Shevchenko, I.S. (1998). *Istoricheskaja dinamika pragmatiki predlozhenija: anglijskoe voprositel'noe predlozhenie XVI – XX vv. [Historical dynamics of the sentence pragmatics: an English interrogative sentence of the 16th – 20th centuries]*. Khar'kov: Konstanta Publ.
- Shannon, C. E. (1948). A Mathematical Theory of Communication, *Bell System Technical Journal*, 27, 379-423, 623-656.
- Sjuj, Hunchzhen. (2007). Movnij kontakt u suchasnomu rosijs'komu spilkuvanni: komunikativno-pragmatichni i sociokul'turni aspekti: Dis... kand. filol. nauk [Speech contact in Modern Russian communication: communicative-pragmatic

- and sociokultural aspects. PhD philol. sci. diss]. Kharkiv. 204 p. (in Russian).
- Steffensen, S.V. and Fill, A. (20013). Ecolinguistics: the state of the art and future horizons *Language Sciences*. [online]: <http://dx.doi.org/10.1016/j.langsci.2013.08.003>
- Trim, J. L. M. (1959). Historical, descriptive and dynamic linguistics, *Language and Speech*, 1, 9-25.
- Vinokur, T. G. (1993). *Govorjashhij i slushajushhij: Varianty rechevogo povedenija [The Speaker and the Hearer: Variants of Speech Behavior]*. М.: Nauka Publ.
- Young, M. W. (2011). Malinowski's last word on the anthropological approach to language, *Pragmatics*, 21 (1), 1-22.

Шевченко Ирина Семеновна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой делового иностранного языка и перевода Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (пл. Свободы, 6, г. Харьков, Украина, 61022); e-mail: irina.shevchenko7@gmail.com